

«РУССКИЙ КИТАЕЦ» НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТИФОНТАЙ (Цзи Фэнтай)

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

Среди представителей делового мира русского Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. заметно выделялась фигура предприимчивого купца Тифонтая, китайца, поселившегося в Хабаровске в 1873 г. и принявшего через 20 лет после этого русское подданство. Начиная коммерческую деятельность в России Тифонтай с мелкой торговли, постоянно расширяя объемы продаж и увеличивая, таким образом, свое состояние. Успехи Тифонтая во многом объяснялись его личностными данными: и в жизни, и в бизнесе он был честен, открыт и надежен. Тем не менее имя этого человека обросло легендами и «версиями». В русской исторической художественной литературе он неизменно фигурирует как китайский, «маньчжурский» или японский шпион. Вслед за этим его называют так и некоторые историки, иногда прибавляя несостоятельное «по-видимому». В китайской же историографии Цзи Фэнтай предстает как «предатель» и «изменник» с «китайской внешностью и русским сердцем». Так все же кем был Тифонтай? Много лет занимаясь сбором материалов об этом человеке, мы не смогли найти фактов, хоть сколько-нибудь компрометирующих его. Напротив, он предстает цельной личностью со своими убеждениями и принципами. Так ли это на самом деле, рассудит время.

По китайским источникам, Цзи Фэнтай — выходец из уезда Хуансянь провинции Шаньдун. В России он постепенно выучил русский язык и подрабатывал переводчиком в администрации Приморской области и г. Хабаровки. Одним из первых результатов его деятельности на этом поприще стало участие в избрании китайского старшины в Хабаровске осенью 1880 г. Общее собрание китайцев города состоялось 2 ноября. Общественный приговор гласил: «1880 года Ноября второго дня мы нижеподписавшиеся Китайские подданные, китайцы, быв сего числа общим собранием, в Хабаровском Городском Полицейском Управлении избирали из среды своей Старшину, который бы мог руководить нами, следить за нашим поведением, делать между нами разбирательства о результате которых давать знать Хабаровской полиции, доводить до сведения: Полиции о пороках китайцев, о прибывающих и выбывающих из города китайцах и вообще обо всем, что будет касаться Полиции. ПОСТАНОВИЛИ: Старшину, с вышеизложенным условием, все мы единогласно выбираем Юнгу (Юн Цзи. — А.П.) нашего, которому мы и обязуемся подчиняться

Николай Иванович Тифонтай

Семья Н.И. Тифонтай

безусловно и исполнять все его требования, на что он Юнга и изъявил свое согласие. При этом просим, приговор этот представить на утверждение Господину Военному Губернатору Приморской Области в том и подписуемся. Юн-га, Ти-фон-тай, Хин-цен-хан, Кин-га, Сын-цун-чан, Хе-ли-кун, Тянь-чин, Кен-фан-цун, Сы-фа-лу, Кян-мин-тай, Ти-чун-лин, Це-у-лен-ко, Сун-кян-пай, Лин-ло-у, Фан-сы-хай, Юн-чан-лин, Хун-хун-лин, Хин-хин-су, Ван-хан-чин, Хан-ке-о, Цан-ча-у, Ван-сан, Ю-фумин, Ла-у-ли, Иван-зор, Хоу-ули, Ю-зо-хай, Чан-кен-чин, Ван-фу-хо, Ю-лон-сан, Ло-у-су, Ху-кин-пау, Хе-ун-хау. Подписи на русский язык переводил Китаец Тифонтай». Конечно, Ти не мог знать правил транслитерации китайских иероглифов, но что интересно, он уже до конца жизни не изменял написания своего имени. 4 ноября военный губернатор Приморской области генерал-майор М.П. Тихменев утвердил Юн Цзи старшиной¹.

Образ поведения Тифонтая виден из исторического эпизода, связанного с поисками убийц Евгения и Иосифа, сыновей купца К.А. Купера, а также его компаньона Чжун Си-цзина и приказчика Ма в 1882 г. в заливе Пластун. Когда китайских подданных Шунь Чжа, Сун Тая, Цзун Вэньцая, Ли Хуйшаня, Ма Ю и Ян Юнсина доставили в Хабаровку, ее «старожил... Тифонтай» заявил, что «знает четырех первых, согласен взять их и рабочих на поруки»². Данный эпизод свидетельствовал о хорошем знании людей и твердости характера Ти. В конце концов выяснилось, что дерзкое преступление совершили нанятые Купером китайцы и их сообщники из соседних фанз, а именно Ли Чэнфа, Чжан Чэнцин, Сюй Ли, Чжоу Мин, Чжан Пуси, Ван Ифан и Ван Цзичэн. Арестовать удалось лишь последнего. Он был осужден на каторжные работы. В 1884 г. Ван Цзичэн содержался на гауптвахте в Камень-Рыболове, а в ночь с 12 на 13 сентября «чрез сделанный подкоп бежал, унеся при побеге кандалы»³.

С 1879 г. у Тифонтая в качестве служанки работала гольдячка Ши-дэн-хэ. Но вот 4 апреля 1886 г. купец написал на имя Приморского губернатора И.Г. Баранова прошение следующего содержания: «Подпискою, данною мною в Хабаровское Городское Полицейское Управление я обязался уплатить единовременно бывшей у меня в течение семи лет служанкою Гольдячке Ши-дэн-хэ 500 руб. и производить ей ежегодно выдачу на пропитание по 120 руб., если она не выйдет замуж, или не вступит с кем-либо в сожителство, каковые деньги и уплачивал ей аккуратнo по настоящее время, иногда чрез Г. Полицмейстера, чрез своих приказчиков и сам лично. Между тем Ши-дэн-хэ жалуется на неуплату мною ей 120 руб. за 1885 год. Ввиду постоянных на меня кляуз и того, что Ши-дэн-хэ ведет нетрезвую и развратную жизнь с Китайцами, я в силу той же подписки вовсе отказываюсь от платежа ей ежегодно по 120 руб., так как она может свободно пропитываться на те средства, какие дает ей ее безнравственная жизнь. Об изложенном считаю долгом доложить Вашему Превосходительству и почтительнейше просить сделать зависящее распоряжение об объявлении настоящего моего прошения Гольдячке Ши-дэн-хэ»⁴. По собранным по приказанию губернатора сведениям оказывалось, что Тифонтай не вполне прав. Хабаровский полицмейстер в рапорте от 26 мая 1886 г. за № 2288 отмечал: «Гольдячка Ши-дэн-хэ ведет жизнь трезвую, поведения вообще хорошего и возводимая Тифонтаем на Ши-дэн-хэ клевета о том, что она ведет не трезвую и развратную жизнь, — ничто иное как уклонение от платежа по обязательству своему 10-рублевого месячного пособия Ши-дэн-хэ за ее семилетнюю службу Тифонтаю». На рапорте губернатор сделал следующую резолюцию: «Объявить Тифонтаю, что просьба его исполнена быть не может по изложенным в рапорте обстоятельствам, предварив его, что клевета по русским законам наказывается»⁵. Вообще же тема о роли женщин в жизни Тифонтая является отдельной.

Как только у Тифонтая появились кое-какие накопления, он сразу же открыл торговую лавку и мастерскую. По другим сведениям Ти (Цзи) прибыл в Россию уже будучи купцом. Так или иначе, мы ничего не знаем о его родителях, из какой семьи он происходил. Тифонтай всегда помогал своим соотечественникам как только мог. На рынке в Хабаровке уже в середине 1880-х годов некоторые китайцы торговали по доверенностям, полученным от него. Таким был, например, Чан Люу, который также испытал некоторые «прелести» обмана со стороны русских в сговоре с «полицейскими служителями»⁶. Таким образом, администрация Приамурского края знала и уважала Ти. Насколько талантлив был Тифонтай в делах торговли и как развивался его бизнес, свидетельствует рапорт № 777 от 21 марта 1889 г. Уссурийского пешего казачьего батальона полковника Глена, в котором он сообщал, что на 25-верстной казачьей береговой полосе проживали 109 китайцев, включая работников. Они занимались хлебопашеством, огородничеством, сплавом леса до Хабаровки, а также торговлей, в том числе и пушниной с коренным населением Сунгари и Южно-Уссурийского края. Ежегодно сюда приходили 150—200 китайцев, которые работали у приказчиков факторий, расположенных на китайской стороне, при перевозке товаров по рекам на русской стороне для промышляющих женьшень. Глен отмечал: «Вся торговля оседлых и пришлых сосредоточена в руках одного китайца Тифонтая, имеющего оседлость в Хабаровке. Определить заработки пришельцев отдельно от оседлых невозможно даже приблизительно, вся сумма торговых оборотов простирается до 40 тысяч»⁷.

Известно, что еще в середине 1880-х годов Тифонтай решил стать подданным России. Действительно, в июле 1885 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор И.Г. Баранов сообщал приамурскому генерал-губернатору А.Н. Корфу о том, что на его имя поступило прошение «подданного

Китайской империи Тифонтая о принятии его в русское подданство. По получении названного подданства он пожелал быть причисленным к купеческому обществу г. Хабаровки». К прошению Тифонтай приложил паспорт, «выданный ему в г. Нагасаки Китайским Посланником в 1880 г.»⁸, а также ряд других документов. На паспорте стояла виза российского консульства от 5 (17) декабря того же года. Возникает вопрос, почему и как Тифонтай приобрел паспорт, да еще завизированный в российском консульстве, ведь в те годы для китайцев не требовалось ни паспортов ни виз для того, чтобы въезжать в Амурскую и Приморскую области. В этой связи возникает две версии ответа: или Тифонтай обладал паспортом, чтобы иметь возможность посещать любую страну, в которую потребовалось бы ехать по делам бизнеса, или он уже тогда имел намерение вступить в подданство Российской империи. Если принять в качестве правильной вторую версию, то это означает, что Тифонтай, ознакомившись с требованиями законов о подданстве России, решил специально съездить в Нагасаки, чтобы получить там и национальный паспорт, и российскую визу на него.

Действительно, согласно законодательству Российской империи о подданстве, иностранец, пожелавший принять таковое, предварительно обязан был предъявить соответствующим властям национальный паспорт страны прежнего своего проживания с визой русского консульского учреждения на въезд в Россию. Основным документом при этом считалось свидетельство о водворении, с даты выдачи которого и исчислялись требуемые для принятия в русское подданство 5 лет проживания в России.

На основании вышеупомянутого отношения губернатора можно также предположить, что Тифонтай подал первое прошение о принятии в русское подданство не ранее 20 марта и не позднее 30 июля 1885 г., так как к этому прошению были приложены следующие документы: 1) свидетельство, выданное ему Хабаровским общественным управлением 14 февраля 1885 г.; 2) удостоверение, полученное им от хабаровских купцов-старожилов, датированное 15 февралем того же года; 3) удостоверение от начальника Амурской инженерной дистанции от 19 марта того же года; 4) удостоверение, выданное благочинным миссионерских церквей, священником Федором Пляскиным 25 января того же года. Как видно, свидетельства о водворении в России у Тифонтая не было, так как все документы, представленные в последнем перечне, датированы тем же годом, что и прошение. В то же время нельзя забывать, что виза в его паспорте была проставлена 5 (17) декабря 1880 г., что явствует из упоминавшегося выше отношения И.Г. Баранова на имя Н.А. Корфа. При условии того, что хабаровские купцы свидетельствовали более или менее постоянное нахождение Тифонтая в Хабаровке, нетрудно подсчитать, что в начале 1885 г. продолжительность его проживания в России была более 5 лет. Так или иначе, в 1885 г. Тифонтай так и не был принят в подданство России, так как второе его прошение датировано 20 июля 1891 г., и это прошение обнаружено. Почему же в 1885 г. его в русское подданство не приняли? Второе его прошение проливает кое-какой свет на эту загадку. Но сначала надо сказать, что все же основная причина непринятия состояла в том, что у Тифонтая не было свидетельства о водворении в России, которое, как отмечалось выше, был основополагающим документом в деле натурализации иностранца.

Как сказано выше, китайцы считают Тифонтая «изменником» и «предателем». Как якобы «мягко» выразился о нем генерал-губернатор провинции Цзилинь Цао Тинцзе, «внешность китайская, сердце русское»⁹. Несомненно, основополагающей причиной такого отношения китайцев к Тифонтаю служат прежде всего обстоятельства, при которых в 1886 г. был подписан Хабаровский протокол, зафиксировавший установление каменного пограничного столба

с литерой «Е». На этот счет известно немало публикаций, причем некоторыми российскими авторами утверждается, что старый сгнивший деревянный столб был заменен на новый каменный, который и установили на том же месте и в том же направлении, в котором «смотрел» старый столб. Китайские же авторы утверждают, что деревянный столб исчез, а взамен его русскими был изготовлен новый, который они обманным путем подкинули на новое место «в нескольких десятках ли от устья Уссури»¹⁰. В ходе подписания Хабаровского протокола Тифонтай исполнял обязанности переводчика. Китайскую делегацию, состоявшую из чиновников Линь Цина, Цин Шаня и Тун Цзяосаня, ведавших в провинции военно-политическими вопросами, возглавлял командир полкового отряда знаменного гарнизона г. Фукэцзинь (ныне Фуцзинь) Шунь Линь. Китайские историки подчеркивают, что Шунь Линь «вовсе не уяснил обстановку и первоначальное расположение столба с литерой „Е“». Названные же чиновники вообще по сравнению с Шунем знали о данной проблеме «намного меньше»¹¹.

При таких обстоятельствах, по мнению китайских авторов, именно Тифонтай стал «ключевой фигурой, представлявшей цинское правительство в ходе замены данного пограничного столба». При этом утверждается, что «русская сторона подкупила изменника родины хабаровского купца Цзи Фэн-тая». Благодаря этому «в 12-й год правления Гуансюя (1886) во время замены китайско-русского пограничного столба с литерой «Е» Цзи Фэн-тай в качестве «переводчика» помог русской стороне «доказать» следующее: «Сегодня на левом берегу Уссури выше станицы Казакевичевой, я и другие нашли деревянный столб, на верху которого вырезана литера «Е», поверхность его была гладкой»¹². Немного выше этого сюжета тот же автор по поводу хорошего качества столба восклицает: «Как было возможно, что «поверхность его была гладкой», если еще в 1876 г. нингутский и саньсинский фудутуны Шуан Фу и Чан Линь докладывали, что при обследовании пяти пограничных столбов, включая столб с литерой «Е», они нашли их «поврежденными водой и огнем». Примерно об этом доносил и заместитель главноуправляющего приморской частью северных провинций У Да-чэн»¹³. Возникает вопрос, как Тифонтай мог быть «ключевой фигурой, представляющей цинское правительство», если он уже столько лет постоянно жил в России и даже подал прошение о желании вступить в ее подданство? Конечно, это далеко не единственный вопрос, который хотелось бы задать в адрес обвинителей Тифонтая. Но не будем и дальше распространяться на этот счет, ибо, не видя ни одного документа по данной проблеме, вряд ли можно хоть сколько-нибудь убедительно возражать. Хотя неизвестно, какую кару получили члены китайской делегации во главе с полковником Шунь Линем, тем не менее столь резкое обвинение Тифонтая во всех грехах похоже на ту ситуацию, когда ищут «козла отпущения».

В один из дней марта 1891 г. наследник престола цесаревич Николай, будучи во Владивостоке во время прогулки случайно зашел в мастерскую Цзи Фэнтая и в разговоре с ним обнаружил, что китаец очень хорошо говорит по-русски. Цесаревич попросил Цзи помочь ему купить пушнину. Китаец тут же сказал цесаревичу, что у него есть друг, который занимается продажей пушнины, и, если он хочет, они могут сейчас же отправиться за покупкой. Престолонаследник согласился, и когда они пришли к другу Цзи Фэнтая, он увидел, что действительно товар был высокого качества, а цена — справедливой. Но цесаревич вышел на прогулку, не захватив с собой денег. Тогда Цзи Фэнтай сказал: «Ничего, вы забирайте товар, я дам вам деньги в долг». Цесаревич однако распорядился, чтобы товар принесли ему на следующий день. На другой день Тифонтай, взяв пушнину, отправился по назначенному адресу и только тогда

узнал, что имел дело с наследником российского престола. Цесаревич сказал Цзи Фэнтаю: «Сегодня ты стал моим другом, а как насчет того, если я дам тебе должность»? Однако китаец дипломатично отказался. Тогда цесаревич присвоил Цзи Фэнтаю высший купеческий титул¹⁴.

В своем втором прошении о принятии его в русское подданство от 20 июля 1891 г. Тифонтай писал: «В настоящее время я желаю принять Господствующую Православно-Католическую религию и Русское подданство»¹⁵. Отсюда понятно, почему в 1885 г. ему было отказано в приеме в русское подданство: тогда (как на момент подачи второго прошения) он не принял православия. Принятие православия китайцами и корейцами на Дальнем Востоке России означало для них отказ от своей национальной прически и одежды, и для многих китайцев и корейцев это было непреодолимым препятствием к принятию русского подданства. В прошении были изложены мотивы, побудившие Тифонтая принять русское подданство: «Я выехал из пределов Китая еще молодым человеком и, не имея там никого из близких и родных, совершенно отвык от жизни и обычаев своей прежней родины, и у меня решительно нет никаких связывающих обстоятельств с нею. Напротив, мое имущественное положение и мои занятия связывают меня всецело с Российской империей, ставшей мне второй родиной и оставлять которую по доброй воле я никогда не желал бы. При таких обстоятельствах оставаться подданным Китайской империи, ставшей мне совершенно чужой, нет ни цели, ни желания. Напротив, я буду считать для себя за большое счастье и честь быть гражданином Русского государства»¹⁶. Из данного отрывка видно, что мотивы Тифонтая были совершенно серьезными, глубоко осмысленными и вполне аргументированными. К прошению он приложил следующие документы: 1) удостоверение № 47 от Хабаровского купечества о принятии Тифонтая в их среду; 2) удостоверение за № 943 от Хабаровского городского управления об имущественном положении просителя; и 3) удостоверение за № 277 от Амурской инженерной дистанции.

По неполным данным, к 7 сентября 1898 г. в канцелярию приамурского генерал-губернатора поступило от китайцев 58 прошений, в которых они изъявляли желание принять русское подданство. При этом дела лишь 23 просителей были решены положительно, в их числе был и Тифонтай¹⁷.

Ему было также предложено креститься и обрезать косу. Однако 7 октября 1891 г. он обратился к барону А.Н. Корфу со специальным прошением, в котором просил разрешить ему косу не обрезать.

Дело в том, что по законодательству цинского Китая обрезание косы считалось тяжким, сурово наказуемым преступлением. Такая прическа была введена в этой стране вскоре после завоевания ее маньчжурами в 1644 г.¹⁸ Мотивируя свою просьбу, он писал: «С отрезанием (...) косы по Святом крещении и неокончании торговых дел с китайскими подданными (...) я понесу большие убытки в торговой операции». В этом же прошении китайский купец обещал отрезать косу через 2 года¹⁹.

Исполнявший в то время обязанности Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант А.С. Беневский 11 октября 1891 г. направил на имя А.Н. Корфа, находившегося тогда в Петербурге, телеграмму, в которой изложил просьбу Тифонтая со следующим своим заключением: «Представляя настоящее ходатайство на разрешение Вашего Высокопревосходительства, присовокупляю, что со своей стороны полагал бы возможным уважить таковое»²⁰. Однако Приамурский генерал-губернатор был другого мнения. Не желая создавать прецедент, он в ответной телеграмме от 19 октября отмечал: «Не усматриваю причин делать отступления от раз мной решенного, и потому Тифонтай может быть принят (в подданство России. — А.П.) только по обрезании косы»²¹. По-

лучив такой ответ, Тифонтай решил повременить как со Святым крещением, так и с принятием русского подданства. Лишь по завершении в 1893 г. торговых операций с китайцами «по реке Сунгари и другим местам», а именно 18 декабря того же года состоялась церемония приведения Тифонтая к присяге на принятие им российского подданства. Через три дня, а именно 21 декабря, ему было выдано свидетельство за № 20444, согласно которому он объявлялся подданным Российской империи. Если прошение от 7 октября 1891 г. Тифонтай подписал как временный хабаровский 2-й гильдии купец, то после принятия русского подданства слово «временный» в этом сочетании больше уже не употреблялось.

Впоследствии торговые дела Тифонтая продолжали успешно развиваться. В первых числах февраля 1895 г. на заседании Приморского областного правления в Хабаровке было принято решение о переводе Тифонтая в купцы 1-й гильдии. Это свидетельствовало как о росте экономических показателей руководимых им предприятий и дел, так и о возросшем авторитете китайского купца, перешедшего в русское подданство. Тифонтай вместе с русскими купцами был весьма полезным пионером в деле установления торговых связей Приамурья с Маньчжурией. «Очень успешно» этот китаец вел торговлю в бассейне Сунгари²². Первый русский пароход, отправившийся в 1895 г. по этой реке после долгого перерыва, последовавшего за несколькими неудачными попытками плавания по ней, был снаряжен хабаровскими купцами Богдановым и Тифонтаем.

Тифонтай был щедрым жертвователем на общественные и благотворительные дела. К концу XIX в. у него было три медали, в том числе одна за заслуги по ведомству православного вероисповедания. И здесь возникает, казалось бы, парадоксальный вопрос: а принял ли Тифонтай православие. Это сомнение еще более усиливается, исходя из отношения Приамурского генерал-губернатора от 7 сентября 1898 г. за № 5882 на имя министра внутренних дел. Н.И. Гродеков писал: «Некоторые китайцы, не желая сами менять религии и национальной одежды, воспитывают в духе христианской веры своих детей. Принятый в русское подданство китаец хабаровский купец Тифонтай остался буддистом и носит китайское платье, но сын и дочь его крещены по православному обряду и воспитываются в Европейской России»²³. Выходит, что Тифонтаю было сделано исключение, и он был принят в русское подданство без перехода в православие.

Таким образом, только через 20 лет после переселения в пределы России и через 8 лет после подачи первого прошения о принятии в русское подданство китайский купец Тифонтай смог получить таковое²⁴.

Что касается хозяйственного положения Тифонтая на момент подачи прошения о принятии в русское подданство, то можно сказать следующее: он сам в 1891 г. свое недвижимое имущество в Хабаровске оценивал в 20 тыс. руб., однако согласно официальным данным стоимость всех принадлежавших ему городских земельных участков вместе с возведенными на них постройками составляла не менее 50 тыс. руб. Расходились цифры купца и властей и в оценке товарооборота фирмы Тифонтая: в прошении на имя царя он характеризует свой товарооборот в 100 тыс. руб. в то время как по официальным данным он составлял 153 тыс. руб.²⁵ У Тифонтая недвижимость имела не только в Хабаровске, но больше всего, по-видимому, все же в нем.

Тифонтай бывал и во Владивостоке. Его приезды в этот город не миновали внимания местной прессы. Газета «Владивосток», например, писала: «Любопытную картину можно было видеть в один из прошлых спектаклей в зале Галлецкого: передний ряд был занят почти исключительно китайками, привезенными сюда хабаровским купцом Тифонтаем и коммерческим агентом. В задних

рядах также виднелись китайки и их дети. Некоторые китайцы привезли, говорят, по три жены»²⁶. О женах Тифонтая писать не забывали, но известно, что до конца дней его женой была шанхайка, которую он не забыл в 1896 г. представить генерал-губернатору С.М. Духовскому. Вот как это описала супруга генерал-лейтенанта Вера Федоровна (дочь князя Ф.Г. Голицына): «Тифонтай привел к нам с визитом свою новую жену, привезенную им из Шанхая; она довольно миловидна, но страшно накрашена, и ноги изуродованы в кулачок, совсем копытца; с трудом она может ходить, да и то лишь с помощью своего мужа. Совсем животные без мысли эти китайки: ноги у них изуродованы — дабы оне меньше ходили, и ногти на руках отпущены как когти, дабы оне не могли работать. Наряд у жены Тифонтая очень богатый, а на голове убор из изумруда (ее имя в переводе означает изумруд). У Тифонтая много жен, между ними есть и русская дебелая девка; самую старую жену японку он недавно отправил назад на родину, в полную отставку. Сначала первой женой у него считалась китайка, но когда от второй жены японки родился сын, она стала первой; от китайки у него много дочерей, одна из них поступила в нашу женскую гимназию»²⁷.

Учитывая то, что с последней женой Тифонтай прожил до самой смерти, а всего 14 лет, то можно предположить, что это была Ян или Цзи Ян. Есть данные, что в Шанхае она была певичкой, и Тифонтай выкупил ее за 5 000 лан²⁸. На одном из документов имеется ее подпись, где она по-китайски расписалась как Цзи Ян-ши, причем иероглиф «ши» означает «госпожа», т.е. можно говорить, что ее имя Ти Ян, или Цзи Ян. В других документах она фигурирует под именем Ян или Ян Цзы. Отсюда можно предположить, что при замужестве она взяла фамилию мужа Ти (Цзи, т.е. по русскому обычаю. В Китае, как и в других странах Дальнего Востока, при замужестве жены фамилии не изменяют).

К 1901 г. до берегов Амура докатилось восстание «большого кулака» или «боксерское». В 1900—1901 гг. иностранными войсками, участвовавшими в подавлении беспорядков, из императорских дворцов Пекина было изъято немало ценностей. Часть из них Тифонтай выкупил на свои деньги. Все вещи он передал на хранение своей супруге Ян, которая проживала у своих родителей в г. Яньтай (Чифу) провинции Шаньдун²⁹. Что собирался Тифонтай делать с ценностями, точно неизвестно, но есть предположение, что он планировал вернуть их Китайскому государству.

Хотя Тифонтай постоянно проживал в Хабаровске, но в связи с тем, что его предприятия были разбросаны по всему Дальнему Востоку и Маньчжурии, он часто был в разъездах, подолгу, например, жил во Владивостоке, где владел домом на улице Шефнера³⁰. В Приморской области у него было также две каменоломни: «Корфовская», расположенная недалеко от станции Корфской Уссурийской железной дороги, и «Краснореченская» — в 12 верстах (12,8 км) от Хабаровска, недалеко от Красной Речки³¹. Были у него также мельницы, приносящие немалый доход. На одной из его мельниц в Хабаровске с 1913 г. работал Сунь Цзиу (1876—1924 г.), который впоследствии вступил в РКП(б) и прославил свое имя в боях за советскую власть, в ходе которых был четырежды ранен³².

В русско-японскую войну 1904—1905 гг. Тифонтай занимался снабжением русских войск. Не было таких изделий или продукции, необходимых русским войскам, которые не мог бы раздобыть Тифонтай. За свой счет он снарядил целый отряд, для которого были куплены лошади и все необходимое в бою. Японский генерал Оку однажды сказал: «Захватить Тифонтая — все равно, что выиграть сражение». Японским командованием было назначено вознаграждение за поимку Тифонтая, которому пришлось «тихо, скромно, благородно» уда-

литься посевнее, где он продолжал работу. Тогда японцы объявили крупную сумму за его голову. Несколько раз японские наемники чуть было не осуществили свои планы. По свидетельству современников, в то время Тифонтай ни разу не спал две ночи подряд в одном и том же месте³³.

Вот как описывает свою первую встречу с Тифонтаем русский офицер: «Я хорошо помню жаркий маньчжурский день. Я ехал на боевые позиции... На встречу мне толпа наших, а в ней толстый, в голубом шелку, благополучный китаец. Наши — были солдаты, и меня удивило его отношение к ним. Как потом оказалось, каждый русский солдат шел к нему как к испытанному другу. Спрашиваю, кто это? — Так что — русский китаец. — Не понимаю. — Наш. Он тут все время при войсках состоит... Чуть что — все к нему. Изо всякой беды живой рукой вызволит. Хороший человек! Это именно и был Тифонтай. Он, действительно, работал все время на нас»³⁴.

Вместе с тем в ходе войны его фирма совместно с родственными предприятиями понесла огромные материальные и имущественные потери. Как выразился один автор, с русскими Тифонтай создал себе громадное состояние, с ними же и разорился, да так, что умер едва не совершенно нищим. Вчерашний миллионер нуждался во всем и нигде не находил себе поддержки. Офицер Немирович-Данченко отмечал: «Мы уплачивали баснословные убытки другим и нисколько не стеснялись гонять прочь влюбленного в Россию Тифонтая... Ему некогда было оформлять свои «претензии». В горячую пору приходилось работать наспех — где уж тут было думать об «оправдательных документах». Он, впрочем, на это и не рассчитывал. Мечтал вернуть хотя бы то, на что у него в руках были документы. И того бы ему с верхом хватило. Время было лихорадочное, — вынь, да положи, а сколько тебе за это, — потом скажи»³⁵. В ходе войны истратив все свое состояние, после нее Тифонтай пытался возместить свои убытки. Сначала он писал в различные инстанции, а затем сам поехал в Петербург.

В 1907 г. у Тифонтая возникли многочисленные проблемы и конфликты с кредиторами и подрядчиками, с которыми он работал во время войны. Вскоре по их инициативе в Хабаровске была создана «Администрация по делам торгового дома Тифонтай и Ко.», которая самостоятельно обратилась к правительству за содействием. По утвержденному императором положению Совета министров от 12 августа 1908 г. Тифонтаю было выдано «заимобразное воспособление от казны» в размере 500 тыс. руб. Когда же по получении правительственной ссуды Тифонтай обратился к администрации с просьбой дать ему сведения, как ведутся дела, то администрация решительно отказала ему в этом. Владельцу фирмы не были показаны даже торговые книги. Тифонтаю ничего не оставалось делать, как уехать в Санкт-Петербург, где он также надеялся добиться возмещения своих убытков. 14 марта 1909 г. администрация обратилась в МИД с телеграммой за подписью председателя Лихойдова и администраторов Емельянова, Зандау, Тянь Зуня и Пань Я-сана, в которой, обращаясь к директору 1-го департамента Е.А. Плансону, писала: «Тифонтай решительно отказался выделить хотя (бы) часть этой суммы на поддержание и восстановление их (предприятий кредиторов. — А.П.) и, уклонившись от всякого соглашения с администрацией и кредиторами как в Приамурье, так и Маньчжурии, уехал в Петербург. Столь некорректный образ действий Тифонтая не только наносит громадный материальный вред многочисленным китайским и русским кредиторам, благосостояние которых связано с предприятиями Тифонтая, но, что важнее — в корне подрывает виды Правительства, обусловившие выдачу означенного воспособления. Поэтому администрация считает долгом довести изложенное до Вашего сведения

и просить Ваше Высокопревосходительство: 1. Обязать Тифонтая безотлагательно передать администрации воспособление с условием употребления его исключительно на восстановление предприятий, выработанному с участием представителей от Казны, выдавшей воспособление, и 2. Всякие дальнейшие выдачи Тифонтаю производить администрации для той же цели и на тех же условиях»³⁶.

Е.А. Плансон обратился за содействием к Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру и к его чиновнику по дипломатической части Н.В. Богоявленскому. 22 мая в письме к названному чиновнику Плансон, в частности, жаловался на то, что администрация по делам фирмы Тифонтая, обещая прислать по почте дополнительные материалы, объясняющие суть проблемы, так и до сих пор ничего не прислала. В заключение он просил Богоявленского «навести справки по этому делу и о последующем его «уведомить»³⁷. П.Ф. Унтербергер, считая линию поведения Тифонтая правильной, нашел наведение справок у представителей администрации по делам Тифонтая неудобным. Что касается Богоявленского, то он, придерживаясь мнения своего шефа, высказал мысль, что, по-видимому, именно потому, что Тифонтай прав, администрация не представляет документов, «проясняющих суть дела»³⁸. Тифонтай тяжело переживал все случившееся. Вскоре «постигла его болезнь, от которой в мае 1910 г. он скончался». Свое тело он завещал увезти в Китай «на родину»³⁹.

«Администрация по делам торгового дома Тифонтай и Ко.» после смерти Тифонтая активизировала свою деятельность. Вспомнили о ценностях, выкупленных Тифонтаем у иностранных войск. Ян передала все вещи по описи банковской конторе «Гуан-синь», одним из крупных кредиторов которой был Тифонтай. Одну копию описи вдова представила в названную администрацию. Но это уже другой чрезвычайно запутанный сюжет со многими новыми лицами, но, увы! — уже без главного героя нашего повествования. В. Немирович-Данченко в своей статье по поводу смерти Тифонтая писал: «Почему именно этот китаец останавливает на себе мои воспоминания? Я думаю, не одни мои, но и всех, кто еще не позабыл (у нас, ведь, так коротка память!) только что пережитую нами страшную эпопею маньчжурского разгрома. Передо мною выпукло рисуется характерная фигура странного чужака, так слепо и безоглядно любившего Россию. Даже наши поражения, его собственные разочарования в нас, удары, сослепая и в оторопи, нанесенные ему нами, не поколебали этой любви. Такой мы не вправе были бы требовать и от людей, куда более обязанных нам»⁴⁰. Думается, вполне справедливые слова.

Известно, что одна из праправнучек Тифонтая сегодня живет в Москве. Первый сын Тифонтая воспитывался в Петербурге. Его имя нам неизвестно. Обсуждая его дела, Тифонтай однажды сказал: «Пускай он останется в России. Они (дети. — А.П.) с Китаем должны быть не только соседями и друзьями. Чем больше наших будет у вас, а ваших у нас, тем для обоих великих народов выгоднее и лучше... Будущее Азии принадлежит союзу Китая с Россией: вдвоем им ничего не будет страшно»⁴¹. Второй сын Тифонтая родился от жены Цзян в 1894 или 1895 г. Его звали Цзи Хэлин. Тифонтай очень любил его. В завещании он наказывал Ян его «воспитать возможно лучше, вообще употребить все силы на него». Есть, однако, данные, что Ян «этот чужой ребенок» интересовал постольку-поскольку, так как в то время она была еще в расцвете сил. Имеются сведения, что сначала она сошлась с чиновником из Мукденского дипломатического бюро, затем со служащим «Гуан-синь»⁴². Все это, однако, требует доказательств.

Тифонтай делал все, чтобы Россия его приняла. Но на краю жизни он все же решил покинуть «вторую родину» ради первой...

- ¹ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 588. Л. 1—1 об., 4. См. также: Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб., 2003. С. 768—769.
- ² РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 840. Л. 118—119.
- ³ Там же. Л. 138, 143.
- ⁴ Там же. Д. 977. Л. 177—177 об.
- ⁵ Там же. Д. 977. Л. 176.
- ⁶ Петров А.И. История китайцев в России... С. 779.
- ⁷ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 997. Л. 22—23; См. также: Петров А.И. История китайцев в России. С. 108—109.
- ⁸ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; Петров А.И. Почему, когда и как Тифонтай принял подданство России // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. Ч. 3. М., 1991. С. 129.
- ⁹ См. также: Ша Э юй Дун-бэй (Царская Россия и Северо-Восток). С. 300. Кит. яз.
- ¹⁰ Лю Юань-ту. Гуаньюй лиши шандэ Чжун-Э бяньцзе «Е» цзы бяньцзедэ каоча (Историческое исследование о пограничном столбе с литерой «Е» на китайско-русской границе) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь 1994. № 5. С. 171. Кит. яз.
- ¹¹ Лю Юань-ту. Гуаньюй лиши шандэ Чжун-Э бяньцзе «Е» цзы бяньцзедэ каоча... С. 171. Кит. яз.
- ¹² Цит. по: Лю Юань-ту. Гуаньюй лиши шандэ Чжун-Э бяньцзе «Е» цзы бяньцзедэ каоча... С. 171. Кит. яз.
- ¹³ Лю Юань-ту. Гуаньюй лиши шандэ Чжун-Э бяньцзе «Е» цзы бяньцзедэ каоча... С. 171. Кит. яз.
- ¹⁴ Дуань Гуан-да, Ци Фэн-хуэй. Дунфан чжэньчжу — Хаэрбинь (Жемчужина Востока — Харбин). Харбин: Хаэрбинь чубаньшэ, 1998. С. 72—73. Кит. яз.
- ¹⁵ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 52. Л. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Д. 158. Л. 5. См.: Петров А.И. Почему, когда и как Тифонтай... С. 132.
- ¹⁸ Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 83.
- ¹⁹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 52. Л. 10.
- ²⁰ Там же. Л. 11.
- ²¹ Там же. Л. 12.
- ²² Чжан Цзун-хай. Юань дун дищюй шицзичжи цзяоды чжун-э гуаньси (Китайско-русские отношения на Дальнем Востоке на стыке столетий). Харбин, 2000. С. 187. Кит. яз.
- ²³ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 158. Л. 6—6 об.
- ²⁴ Приамур. ведомости. Хабаровск, 1901. 11 марта.
- ²⁵ Алексеев П.С. По Амуру. Сретенск — Албазин — Благовещенск — Сахалин (Сахалин) — Хабаровск // Русский вестник. СПб., 1900. № 8. С. 454.
- ²⁶ Владивосток. 1897. 7 сент.
- ²⁷ Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Ч. 2. СПб., 1900. С. 554. Цит. по: Петров А.И. История китайцев в России. С. 709.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 304. Оп. 756. Д. 141. Л. 62.
- ²⁹ Там же. Л. 7.
- ³⁰ Кларк И.С. Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып. 3. Владивосток, 1907. Отд. IV. Гл. 15; Алфавитный перечень общественных и торговых деятелей г. Владивостока.
- ³¹ Богданов Д. Наши богатства: Промыслы Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1910. С. 106.
- ³² Ли Юн-чан. Люй Э хуагун юй шиюэ гэмин (Китайские рабочие в России и октябрьская революция). Шицзячжуан, 1988. С. 213—214. Кит. яз.
- ³³ Немирович-Данченко В. Русский китаёз // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Харбин, 1910. № 5—6. С. 15.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 14.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 75. Л. 19—19 об.
- ³⁷ Там же. Л. 18—18 об.
- ³⁸ Там же. Л. 20—20 об.
- ³⁹ Там же. Д. 141. Л. 62.
- ⁴⁰ Немирович-Данченко В. Русский китаёз. С. 14.
- ⁴¹ Там же. С. 15.
- ⁴² АВПРИ. Ф. 304. Оп. 756. Д. 141. Л. 62—62 об..

SUMMARY. “A Russian Chinese — Nikolay Ivanovich Tifongtai” — this is the title of the article written by Candidate of Historical Sciences A. Petrov. The author describes the activity of a Chinese merchant **Ti Fengtai** in Russia at the end of the 19th — the early 20s centuries. He was a person who got citizenship of the Russian Empire.